

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

SALLUSTII В ПИСЬМАХ ЦИЦЕРОНА

Почти что каждая биография Саллюстия начинается с жалоб на скудность материала, который имеется валицо. Эти жалобы, конечно, справедливы, но все же следует отметить, что весьма важные материалы до сих пор были оставлены в стороне и притом только потому, что они противоречат обычным представлениям о Саллюстии—смертельном враге Цицерона и безоговорочном приверженце Цезаря. А пока эти материалы не использованы исследователями Саллюстия, до тех пор все противоречащее этим представлениям работы, даже такие тщательные исследования, как работа Зееля¹, подвергаются упрекам в субъективной интерпретации².

В письмах Цицерона *nomen gentile Sallustius* встречается всего двенадцать раз—в хронологическом порядке: Att., I, 11, 1; Att., I, 3,3; Fam., XIV, 4; Q. fr., III, 9, 4; Q. fr., III,4; Q. fr. III, 5; Fam., II, 17; Att., XI, 11,2; Att., XI, 17,1; Fam., XIV, 11; Att., XI,20, 2; Att., XIII, 50. Употребили только в двух случаях *praenomen*, Цицерон значительно затруднил различение отдельных Саллюстиев.

На пути в ссылку, незадолго до посадки на корабль (в Брундизии 29 апреля 58 г.) Цицерон пишет своей семье: «*Clodium Philbetaerum, quod valetudine oculorum impediabatur, hunc fidelem remisit. Sallustius officio vincit omnis. Pescennius est perbenevolus nobis. Sicca dixerat se mecum fore sed Brundisio discessit*» (Fam., XIV, 4,6). Социальное положение этого Саллюстия видно уже из того, что его имя упомянуто наряду с такими именами как Клодий Филетер, который повидимому, является вольноотпущенником. Судя по тому, что он «исполнением своих обязанностей превосходит всех», он—верный клиент Цицерона. Это, несомненно, тот же «*noster Sallustius*», который, согласно «*de divinatione*», сопровождал Цицерона всю дорогу до Брундизия, и которого Марк Туллий призывает свидетелем для подтверждения своего дивного сна (*de div.*, I, 59).

Тот же Саллюстий находится в июне 47 г. у Цицерона, когда тот, охваченный страхом, ожидает возвращающегося на родину Цезаря. «*Ego cum Sallustio Ciceronem [своего сына] ad Caesarem mittere cogitabam*»,—пишет он из Брундизия Аттику (Att., XI, 17,1). Юному Марку поручается склонить к примирению Цезаря, находившегося в то время в Антиохии. Человек, которого так просто можно было дать своему сыну в попутчики, мог быть только клиентом. В письме, написанном спустя несколько дней жене Теренции, упомянуто *praenomen* этого Саллюстия. «*Nobis erat in animo Ciceronem ad Caesarem mittere et cum eo Cn. Sallustium*» (Fam., XIV, 11): от плана послать обоих к Цезарю Цицерон тем временем уже отказался. Это тот же самый Саллюстий, который помог своему господину в его расстроенных финансовых делах в начале 47 г., как это часто делали вольноотпущенники и клиенты. В марте 47 г.

¹ O. Seel, *Sallust von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae*, Stutg., 1930.

² Рецензия на работу Seel'я в BLW, Febr., 1931 (Hutke).

Цицерон поручил Аттику в Риме выплатить П. Саллюстия деньги, которые дал займы Гн. Саллюстий (Att., XI, 11, 2). Ясно, что во всех четырех письмах речь идет об одной и той же личности, клиенте Гн. Саллюстия. Этот Гн. Саллюстий был, по всей вероятности, тот самый, у которого Цицерон намеревался остановиться, когда ехал навстречу возвращающемуся из Испании Цезарю (август 45 г., Att., XIII, 50). Однако этот Гн. Саллюстий ни в коем случае не мог быть Саллюстием, упомянутым в письме к Аттику (XI, 20, 2), о котором 15 августа 47 г. говорится, что Цезарь в Антиохии простил¹ его и что тот опять в милости у Цезаря. Во-первых, как было уже сказано, Гн. Саллюстий должен был быть послан в Антиохию только в середине июня; 14 июня он еще не тронулся в путь; позднее это измерение было вообще оставлено. Во-вторых, было бы странно, если бы Цезарь, который в Антиохии прощал представителей римской знати, тут же помиловал и клиента, возможно даже вольноотпущенника Цицерона. Вряд ли у него могли быть какие-либо конфликты с Цезарем. В-третьих, *his rebus concessis*, — как можно было в течение трех недель окончить путешествие в Антиохию и уже дать знать об этом в Брундизий?

С Гн. Саллюстием безусловно нетождественно лицо, которому адресовано письмо Fam. II, 17. Этот Саллюстий является сенатором, проквестором Сирии. При этом тон письма холодно-вежливый и сердитый.

Клиент Гн. Саллюстия, конечно, не был также автором сочинения «Empedoclea» (Q. fr. III, 9.4), о котором Цицерон пишет брату (февраль 54 г.). Не он упоминается и в письмах Квинту (III, 4; III, 5; оба от октября 54 г.), где говорится о каком-то Саллюстии, который умело критикует сочинение Цицерона о государстве и как равный дает ему нахально-резкие советы относительно поведения на политическом поприще².

Таким образом, кроме клиента Цицерона Гн. Саллюстия существуют 1) автор «Empedoclea», 2) литературный и политический *familiaris* из Q. fr., III, 4 и 5, 3) проквестор Сирии и 4) тот Саллюстий, которому Цезарь в 47 г. прощает какие-то грехи.

В инвективе псевдо-Цицерона, приписанной Дидием, Гаю Саллюстия Креспу делается упрек: «At hercules lapsus tirocinio aetatis postea se correxit? Non ita est, sed abiit in sodalicium sacrilegi Nigidiani» (Ps. C i c., in Sall., 5, 14). По всей вероятности, ретор Дидий использовал Vita Sallustii Аскония и потому заслуживает доверия³. Во всяком случае весьма вероятно, что Саллюстий с самых молодых лет примкнул к Нигидию Фигулу. В последние десятилетия республики, но особенно после создания первого триумvirата, в среде римского побилитета замечается своеобразный идеологический кризис. Тиготение к мантике, магии, астрологии, прикрытое научной оболочкой, обработанное в трактатах по всем правилам философской *deliberatio*, стало всеобщим. Магия и мантика имели еще особое значение. Ведь искусство гадания — *augurium* — было еще не так давно монополией олигархической партии, как бы символом ее исключительного господства. Аппий Клавдий — цензор 50 г. — писал капитальный труд об искусстве авгуров (Fam., III, 9.3). Цицерон составил трактат «de divinatione»; но яснее всего это направление проявлялось у Нигидия Фигула, которого называли самым крупным ученым Рима, что уже само по себе весьма характерно (Gell., NA, IV, 9.1). Нигидий Фигул в политике был непоколебимым катонизмом; придерживаясь принципа нравственной республики, он весьма некстати обвинял Г. Антония Гибриду как раз в тот момент, когда тот подвергся нападению со стороны Помпея. (Att., II, 2). Облеченная в форму приветственного возмущения жгучая ненависть к *regediti nobiles*, побудила Нигидия поддерживать меры, принятые Цицероном 5 декаб-

¹ Att., XI, 20, 2; «etiam Sallustio ignovit».

² Саллюстия из Q. fr., III, 4 можно без всяких затруднений идентифицировать с Саллюстием из Q. fr., III, 5, во-первых, по сходству характера, во-вторых, потому что эти письма расположены рядом.

³ См. Funaioli, Sallustius, RE, 1914 и A. Kurfess, De invectivis quae tamquam Sallustii et Ciceronis traditae sunt, «Mnemos.», XL, 1912, стр. 367.

ря 63 г.¹. Опираясь на доктрину неопифагорейства, Нигидий собрал вокруг себя кружок видных *pobiles*²; главными занятиями этого кружка были астрология³, мантика (A p u l e i u s, pro se de magia, 42), а также грамматика и этимология (G e l l., NA, XIII, 10, 4). Этот кружок посещался видными людьми самых различных партий. Так, например, Ватиний не стыдился учиться у Нигидия (Schol. Bob. in Cic. Vat., l.c.). Но то, что Саллюстий Крисп действительно был нигидианцем, т. е., что заметка псевдо-Цицерона соответствует действительности—это лучше всего доказывают те пеленые сведения, которые добавляет Дидий. Уже название *sacrilogium* является анахронизмом; еще более: «bis iudicio ad subsellia attractus extrema fortuna stetit et ita discessit ut non hic innocens esse sed iudices peierasse existimarentur»⁴. Кружок Нигидия был совершенно легальным, он сам был другом Цицерона; Дидий делал заключения, исходя из условий своего времени—условий развитого полицейского государства, неправильно предполагая, что в I в. до н. э. преследовались такие религиозные общества, как кружок Нигидия, и отождествляя аристократическое в высокой мере неопифагорейство с запрещенными народными культами своего времени. Это показывает, однако, что заметку об участии Саллюстия в кружке Нигидия он не выдумал сам, но взял ее у кого-то другого, так как иначе Дидий назвал бы какой-нибудь современный ему культ, который был ему лучше известен. Отсюда следует, что участие историка Саллюстия в кружке Нигидия несомненно. Псевдо-Цицерон называет это увлечение Саллюстия первым увлечением истинно мужественного возраста, который римляне считали, начиная тридцати лет. Это приводит к середине 50 гг.—время как раз, когда было написано письмо Q. fr., III, 9, так как Саллюстий родился в 86 г.⁵. Нельзя также возразить против того, что сочинение с названием «Empedoclea» указывает именно на круг нигидианцев: ведь Эмпедокл известен как пророк, сверхчеловек и, в первую очередь, глашатай пифагорейского учения о переселении душ⁶. Нельзя предположить, что в кружке Нигидия было двое писателей с именем Саллюстий. Авторство историка Саллюстия подтверждается и суждением Цицерона о сочинении «Empedoclea»: «virum te putabo, si Sallusti Empedoclea legeris, hominem non putabo» (Q. fr., III, 9, 4). Именно недостаток в изяществе, в *humanitas*, в котором потом так часто упрекали сочинения Саллюстия⁷, скупая словами мужественности слога отталкивали и Цицерона в «Empedoclea». Это сочинение было, очевидно, первым Г. Саллюстия Криспа, плодом его занятий у нигидианцев: оно отличается уже типичной, строго морализирующей тенденцией, твердым, скупым словами—стилем, который писатель ссрапшил всю жизнь, но который впоследствии приобрел другое политическое значение.

Теперь следует перейти к Саллюстию, упомянутому в письмах к Квинту от октября 54 г.: «aiunt nonnulli—ut Sallustius—me oportuisse accusare (Gabinium)... alterutrum, inquit idem Sallustius, defendisses idque Pompeio contententi dedisses; etenim vehementer orabat. Lepidum amicum Sallustium, qui mihi aut inimicitias putet periculosas subeundas fuisse aut infamiam sempiternam» (Q. fr., III, 4). Если это место сравнить с суждением, которое упомянутый в письме Q. fr., III, 5, Саллюстий дает о «de republica» Цицерона, то нет сомнения в тождественности обоих Саллюстиев: «ii libri

¹ Fam., IV, 13, 2; «per me quondam te socio defensa re publica; Plut., Cic., 20, 2, где Нигидий выступает как главный сторонник энергичных мероприятий 5 декабря 63 г.

² Schol. Bob. in Cic. Vat., § 14: fuit autem illis temporibus Nigidius quidam in doctrina et conditione studiorum praestantissimus ad quem plurimi convenerant.

³ Suet., Aug., 94, 5; Dio, XLIII, 1, 3.

⁴ P. S. Cic., in Sall., 5, 14—замечто схождение предложения с Comm. pet., 10.

⁵ Suet., rel., 300 (изд. Roth'a): «Sallustius Crispus, scriptor historicus Sabinis Amiterni nascitur a. 668...»

⁶ См. H. Diels, SB, 1889, I, стр. 396—415 (о стихотворениях Эмпедокла), Diog., VIII, 66

⁷ Suet., Aug., 86, 2—3; Sen., Epp., 114; Quint., I. Or., IV, 2; X, 4; Gell., NA, I, 15; IV, 15; Gran. Licin., p. 23 P.

cum in Tusculano mihi legerentur, audiente Sallustio, admonitus sum ab illo multo maiore auctoritate illis de rebus dici posse, si ipse loquerer de re publica, praesertim cum essem non Heracleides Ponticus, sed consularis et is, qui maximis versatus in re publica rebus essem».

И здесь у Саллюстия то же самое отвращение к политической половинчатости, требование открытого объяснения своей позиции. Такие выступления должны были неприятно подействовать на Цицерона; но если первое суждение—как Цицерону следовало бы поступить в деле Габиния, свидетельствует только о несдержанной молодости Саллюстия, то второе показывает горячий интерес в практической политике, интерес, который в то же время теоретически обоснован. Уже одно то, что Цицерон повторяет суждение младшего *familiaris* без комментариев, показывает, что оно заставило его призадуматься.

Саллюстий Крисп пишет в начале 49 г.: «sed mihi studium fuit adolescentulorum publicam capessere: atque in illa cognoscenda multam magnamque curam habui, non ita, ut magistratum modo caperem... sed etiam ut rem publicam domi militiaeque, quantumque armis viris opulentia posset, cognitum haberem». (Sall., Or. ad Caes. de re publ., I, 2). Эти studia Криспа не являются студиями риторического *bel esprit* Рима того времени; он принялся за дело всерьез, не потому, что *noblesse oblige* и не в качестве *consolatio*, как это было с Цицероном: «postquam mihi aetas ingeniumque adolevit, haud ferme armis atque equis corpus exercui, sed animum in litteris excitavi» (ib.). В свете этого весьма правдоподобна остановка Саллюстия у Цицерона в Тускуле и их споры о государстве. Идеология господствующей верхушки становится в известной степени модной среди остального общества, тем более так получалось в Риме, где преобладающее число молодых людей из муниципиев находились в зависимости от городских *nobiles*. Можно предположить, что Саллюстий попал и к Нигидию, увлеченный модой. Следующим этапом его развития был возрастающий интерес к политике. Как Саллюстий Крисп в отличие от других стремился к должностям не ради власти и честолюбия, но для получения политических познаний, так и Саллюстий в письме Q. fr., III, 5 нетерпеливо стремится в «de re publica» Цицерона услышать консулара и опытного политического деятеля, а не перемены из Аристотеля... К этому, по всей вероятности, он и стремился, общаясь с Цицероном. Одобрив пока основные политические идеи Цицерона, отрицательно высказываясь о его политической осторожности, Саллюстий отражал настроение своего поколения—людей, родившихся в 80-х гг., и своей социальной группы—состоятельной молодежи из муниципиев. Подобно Катутлу, Кальву, Корнифицию, Поллону, Целлию и другим, он тогда еще был республиканцем, как Катутл, и он слегка презирал Цицерона, как это ясно показывает его вышеприведенное суждение. Хотя Саллюстий и не запечатлел своего отношения к Цицерону в такой язвительной форме, как его ровесник, одаренный поэтическим талантом, все же он предъявляет Цицерону обвинение в некоторой беспринципности¹. Как видно из обоих писем к Квинту, этого Саллюстия из его современников выделяет одно свойство, которое характерно и для автора «*Empedoclea*» и для историка Криспа и которое позволяет идентифицировать всех трех Саллюстиев,—то, что он больше «*vir*», нежели «*homo*».

¹ В противоположность Kroll'у («Catullus», стр. 88), Bachrens'у («Cat. carm.», I, стр. 37) и Hörnecker'у («Qua necessitudine coniunctus fuerit cum Cicerone Catullus», 1876) я усматриваю в знаменитом стихотворении Катутла *carm.* 49: «Disertissime Romuli nepotum...» сатирический выпад против Цицерона (того же мнения Schmidt, RhM., LXIII, 273), а не выражение благодарности (Kroll., op. cit., стр. 89). Лучшим доказательством является то, что Катутл в *carm.* 21 и в *carm.* 24—стихотворениях, посвященных бродяге Аврелию и развратнику Ювенцию, обращается к ним тем же пронически-хвалебным тоном и с теми же словами, что и к Цицерону в *carm.* 49:

carm. 21: Aureli, pater esuritionum

non harum modo, sed quot aut fuerunt

aut sunt aut aliis erunt in annis...

Предположение, что адресат письма Fam., II, 17—проквестор Саллюстий—тождествен с историком Саллюстием Криспом, было уже высказано Моммзеном: «... kann der Empfänger desselben füglich der spätere Historiker sein. Die Adresse nach der Handschrift (s. d. Sallust. proquaest. im Index; salutem dicit canini Sallustio proq... im Text) spricht dafür, da zumal in der Mediceischen Handschrift nichts gewöhnlicher ist, als unverständige Auflösung selbst der bekanntesten Siglen, und nichts sleht der Annahme im Wege, dass der Volkstribun des Jahres 702 (52) zwei Jahre später als legatus pro quaestore in Syrien fungierte»¹.

Тиррел верно замечает, что Canini, не говоря уже о неправильной грамматической форме, ни в коем случае нельзя толковать как nomen gentile хотя бы потому, что тогда у этого Саллюстия оказалось бы два nomina gentilia². Издания, придерживающиеся этого взгляда относительно Canini, не присоединяются к мнению Моммзена, авторитет которого оказался недостаточным для защиты его предположения. Орелли, а впоследствии Мендельсон, Байтер и Тиррелл³ ставят заглавие «Сп. Sallustio s. d.», отождествляя таким образом этого Саллюстия с клиентом Цицерона. Выше уже было показано, что это невозможно. Следует также учесть, что если вообще принято считать Canini подложным, то «Сп.» как emendatio так же не обосновано, как «Р» или «А». Таким образом, заглавие не дает ни положительного, ни отрицательного ответа на вопрос⁴ и приходится обратиться к содержанию письма.

С тех пор, как Саллюстий Крисп в Тускуле прослушал «de re publica» Цицерона, прошло четыре года. К этому времени Саллюстий все еще не стал цезарианцем. Об этом ясно свидетельствует его «Oratio prior ad Caesarem»⁵. К этому времени, однако, он павлек на себя смертельную ненависть оптиматов, например Л. Доминция, М. Марцелла и М. Бибула, так как, будучи народным трибуном, он совместно с Мунацием Планком и Кв. Помпеем Руфом принимал участие в политической агитации после убийства Клодия⁶. Саллюстий и его товарищи обрушились и на Цицерона, обвиняя его в идейном покровительстве убийству Клодия⁷. Но Асконий говорит,—и ему следует

сargm. 24: к развратнику Ювенцию:

Non harum modosed quot aut fuerunt
aut posthac aliis erunt in annis...

и точно так же по отношению к Цицерону
quot sunt, quotque fuere, Marce Tulli,
et quot post aliis erunt in annis.

При этом следует заметить, что сargm. 49 написано после сargm. 21 и сargm. 24. Язвительная ирония ясно видна и в другом месте:

gratias tibi maximas Catullus
agit, pessimus omnium poeta,
tanto pessimus omnium poeta
quanto tu optimus omnium patronus.

Этот способ «иронического сравнения» весьма характерен для древних народов (ср. соответствующие обороты речи у евреев и у греков., Klausener, Beiträge zur Phraseologie der Alten, Brl., 1926). Поэтому следует полагать, что сargm. 49 свидетельствует о критическом отношении республикански настроенных молодых людей, вроде Катуллы, к Цицерону.

¹ Mommsen, Römische Forschungen, II, 434, прим. 42.

² Tyrrell, The Correspondence of Cicero, III, 251.

³ См. C.F.W. Mülleri editio epistularum Ciceronis, adnotatio critica к соответствующему письму.

⁴ Funaioli, op. cit., стр. 1919,—как кажется, единственный, который рассматривает проквестуру Криспа как доказанную (опираясь на Моммзена).

⁵ O. Seel, op. cit., 20, доказывает, что Саллюстий Крисп со своей «Oratio prior» в 49 г. только представляется Цезарю.

⁶ Asconius, praefatio in Milonianam, стр. 35, изд. Kiessl. u. Schöll.

⁷ Cic., pro Mil., 49; Asc., ad. loc.; Asc., praef. in Mil., стр. 38.

верить, ибо именно в этом комментарии он располагает наилучшими источниками¹, — что Саллюстий и Руф вскоре снова помирились с Цицероном и только Плавк продолжал выступать против него². Действительно, в своей речи «pro Milone» Цицерон обрушивается только на одного народного трибуна, а не на трех³. Все же ясно, что прежние отношения между Цицероном и Саллюстием не восстановились. Таким образом, для Саллюстия Криспа создались очень враждебные отношения с людьми, подобными Бибулу, а примирение с Цицероном было все же неполным, ибо имя Саллюстия связывалось теперь для Цицерона с именем его смертельного врага Клодия. Крисп же не сохранил особой злобы против Цицерона.

Письмо, посланное 18 июля 51 г. некоему Саллюстию, проквестору М. Бибулу, поразительно подходит к положению, сложившемуся для Саллюстия Криспа после его трибуната 52 г. Несмотря на то, что он является проквестором Бибула и, таким образом, по неотъемлемым обычаям римской администрации должен был бы иметь с своим прокошесулум такие отношения, как сын с отцом, Бибул обращается с ним пренебрежительно. Об этом знает не только его собственная провинция, но и соседи⁴. Этот Саллюстий даже просит Цицерона, чтобы тот рекомендовал его Бибулу (ib.); к тому же он с трудом дожидается возвращения в Рим (Fam., II, 17, 1). Из тона ответного письма Цицерона можно понять, что его возмутил тон Саллюстия. Саллюстий слишком фамильярен, смеет себя ставить на одну ступень с Бибулом (Fam., II, 17, 2) и говорит с Цицероном, как с равным. Бросается в глаза разница, которую Цицерон подчеркивает между собой и Саллюстием. И он хотел бы вернуться в Рим как можно скорее, но он подчиняет свое желание интересам государства (Fam., II, 17, 1). Он, Цицерон, не в состоянии одолжить Саллюстию денег, потому что все его деньги, как положено, находятся у квестора⁵; Цицерон вежливо отклоняет предложение Саллюстия вместе возвратиться в Рим, пытаясь убедить его, что его, Саллюстия, successor не может так скоро прибыть⁶. Таким образом, ясно, что письмо точно соответствует отношениям, которые Саллюстий Крисп в 50 г. должен был иметь с М. Бибулом и Цицероном.

Однако до сих пор аргументация не выходила из области вероятного. Тождественность историка Саллюстия с Саллюстием в письме Fam., II, 17 можно доказать гориздо бесспорнее. Псевдо-Цицерон (Дидий) говорит в своей «Invectiva in Sallustium», что историк Саллюстий был два раза квестором (Ps. Cic., in Sall., 7, 5); второй раз приходится на начало гражданской войны, когда Цезарь через квестуру провел его обратно в сенат, отсюда следует, что первый раз он был квестором до 50 г. Поэтому необходимо уточнить год первой квестуры Саллюстия Криспа.

Крисп был народным трибуном в 52 г. (As c., in Mil. praef.). Он, следовательно, не мог быть квестором ни в 53, ни в 51 г., ибо, согласно римской конституции, действующий магистрат не имел права выступать кандидатом на какую-либо должность. Крисп не мог быть квестором и в 50 г., ибо квестура обычно предше-

¹ Источники Аскония в praefatio и комментариях: Fenestellae annales; Tiro; acta diurna S.P.Q.R.

² Asc., стр. 36: «postea Pompeius ac Sallustius... redisse in gratiam cum Milone ac Cicerone».

³ Cic., pro Mil., 12. Здесь не имеет значения, что эта речь подверглась позднее переработке. Важнее всего то, что Цицерон, публикуя свою речь, щадил доброе имя Саллюстия и потому напал лишь на одного Плавка.

⁴ Fam., II, 17, 6: «quod eo officio quaestorio te aduinctum reticere de praetore tuo non moleste ferebam, quamquam quem ad modum tractare, audiebam».

⁵ Fam., II, 17, 4 «de praeda mea praeter quaestores urbanos, i.e. populi Romani teruncium nec attigit nec tacturus est quisquam».

⁶ Fam., II, 17, 4: «successor tuus non potest ita maturare... ut hieme in Asia possis convenire...»

вовала народному трибунату¹. 53 год, таким образом, первый *terminus ante quem* для первой квестуры Саллюстия Криспа.

Цицерон в одном месте говорит, что он занимал каждую должность *suo anno* (*de off.*, II, 17), т. е. в возрасте, который *lex Villia annalis* определила как минимальный. Так как Цицерон был квестором на тридцать первом году своей жизни, то из этого следует, что *lex Villia* запрещала людям моложе тридцати лет выступать кандидатами на должность квестора. Родившийся в 86 г. Саллюстий Крисп не мог, таким образом, быть квестором раньше 55 г., т. е. он не мог выступать кандидатом на эту должность раньше середины 56 г. В таком случае, 56 год представляет собой *terminus post quem* для первой квестуры Криспа.

Теперь следует уточнить, относится ли квестура Саллюстия Криспа к 55 или 54 г. Из предыдущего видно, что Крисп как в 55, так и в 54 гг. находился в Риме (*Q. fr.* III, 4; 5,9); он, следовательно, мог быть только *quaestor urbanus*. Однако хорошо известны *quaestores urbani* 55 г., т. е. квесторы консулов Помпея и Красса. Квестором Красса был Кассий, будущий убийца Цезаря (*Plut., Crass.*, 22 и т.д.), квестором Помпея — Гипсей (*Plautus Hypsaëus*)². Таким образом, можно сделать только одно заключение: Саллюстий Крисп был городским квестором 54 г. После своей квестуры в городе он в следующем году ни в одну провинцию проквестором не уехал³.

Теперь следует перейти к Саллюстию, проквестору Бибула. Этот Саллюстий титулуется «*proquaestor*». Согласно *lex Cornelia* ежегодно избирались двадцать квесторов. Из них лишь два — *urbani* — оставались в городе, прочие же по истечении *tempus designationis* сразу уезжали в провинцию. Поэтому их должность в провинции не была промагистратурой *per prorogationem imperii*, и они не назывались в провинции *proquaestores*, но *quaestores*, в отличие от других должностных лиц, которые имели свой *annus magistratus* в городе и лишь после его действовали в провинциях. Положение *quaestores urbani*, напротив, в этом отношении было аналогичным положению претора и консула. В течение года они назывались квесторами в городе (так же как *praetor* или *consul*), а после этого года, если желали, уезжали в провинцию как проквесторы (так же как пропреторы или проконсулы). Поэтому, если действующий в провинции магистрат называется проквестором, то это доказывает, что он до своей провинциальной проквестуры был *quaestor urbanus*. Таким был Саллюстий в письме *Fam.*, II, 17, точно так же, как и Саллюстий Крисп.

Lex Pompeia de provinciis ordinandis (Dio, XL, 52) радикально изменила установленный законами Суллы порядок управления провинциями. Согласно *lex Pompeia* впредь магистраты должны были становиться промагистратами лишь на пятый год после окончания магистратуры, например, консулы, преторы и городские квесторы 52 г. должны были отправиться в свои провинции лишь в 47 г. Для того чтобы на 51 г. обеспечить смену наместников и проквесторов, закон принуждал всех магистратов предыдущих лет, которые из-за какой-либо причины отказались от промагистратуры, теперь наверстать пропущенное. Таким образом, Цицерон, консул 63 г., должен был стать наместником Киликии. Многие ~~просто~~ ^{политики} должны были вдруг изменить свои планы, отказаться временно от участия в кипучей жизни города и отправиться в свои провинции. Для большинства эта отлучка была неприятна; этим объясняется плохое настроение Цицерона и его горячее желание скорее вернуться в Рим. Саллюстий в письме *Fam.*, II, 17 также попал в Сирию против своей воли; и он, подобно Цицерону, считает дни и часы своей проквестуры (*Fam.*, II, 17,2).

¹ Так думал Цицерон. По его мнению, *tribunatus plebis* мог замещать *aedilitas* (см. Dio, XXXVI, 26). Это, конечно, не *lex*, а *usus opinioque communis*.

² *Asc.*, стр. 36, изд. Kiessl. u. Schöll.

³ Косвенным подтверждением этого является то обстоятельство, что консулы 54 г. также не поехали в 53 г. в свои провинции. Аппий Клавдий лишь в 52 г. отправился в Киликию, да и то не добровольно, а принужденный к тому законом Помпея (см. ниже). Л. Домиций вообще отказался от провинции.

Этот Саллюстий был проквестором в 51 г. Если бы он был *quaestor urbanus* 52 г., то он должен был бы быть квестором или самого Помпея, или Сципиона Метелла (*consules* 52 г.). Однако беспомощное положение этого Саллюстия в Сирии показывает, что он не мог быть квестором таких лиц, как Помпей или Сципион (*A s c.*, *praef. in Mil.*).

Все вместе взятое заставляет думать, что Саллюстий, проквестор Сирии 51 г., был городским квестором раньше 52 г., после квестуры остался в городе и в 51 г. должен был навестить промагистратуру.

Отсюда может быть сделано только одно заключение. Если Саллюстий Крисп был *quaestor urbanus* в 54 г. и после этого не поехал проквестором в провинцию, то, очевидно, что, согласно *lex Pompeia*, он должен был выехать в 51 г. Не было причин, из-за которых стали бы делать исключение для него, тем более, что после событий 52 г. политически он был совершенно изолирован (*A s c.* *praef. in Mil.*).

Именно таким проквестором *vi legis Pompeiae* является Саллюстий в *Fam.*, II, 17. Если к этому еще добавить вышеупомянутое сходство Саллюстия Криспа и Саллюстия в *Fam.*, II, 18 в отношении их к Вибулу и Цицерону, то, повидимому, нет ни малейшего основания оспаривать тождественность обоих Саллюстиев.

Кроме того, надо принять во внимание еще следующее: как и Саллюстий Крисп, Саллюстий в *Fam.*, II, 17 не был заинтересован в провинциальной промагистратуре¹. Влечение к римской городской жизни и желание бежать из провинциальной глуши—эти черты Саллюстия-проквестора как раз подходят к Криспу, каким тот рисуется в *Q. fr.*, III, 5. Недостаток уважения к Цицерону, бесперемонность в обращении со старшим и более влиятельным политиком—все это было характерно для отношения Криспа к Марку Туллию в 54 г.; это же характерно и для Саллюстия в *Fam.*, II, 17—конечно, *mutatis mutandis*—после конфликта и примирения 52 г.

Фунайоли, который присоединяется к предположению Моммзена, портит, однако, все дело тем, что делает следующий вывод: если Саллюстий Крисп в 51 г. был проквестором Сирии, то его в 50 г. могли исключить из сената лишь *in absente*². Но это невозможно, ибо известно, что Саллюстия исключили из сената во время его пребывания в Риме (*Schol. in Hor. serm.*, I, 2).

Необходимо более подробно осветить этот вопрос.

Цензорами 50 г. были Аппий Клавдий и Л. Кальпурний Пизон. Аппий Клавдий был оправдан по обвинению в *crimen laesae maiestatis populi Romani* только в начале апреля (*Fam.*, III, II, 1). После этого ему еще предстоял второй процесс—на этот раз *de repetundis*, который в конце апреля еще не изчался (*Fam.*, III, II, 1). 3 или 4 августа Цицерон еще ничего не знает об избрании Аппия (*Fam.*, III, 12). В середине августа он его поздравляет с успехом (*Fam.*, III, 13, 2). Это показывает, что цензоры 50 г. были избраны в конце июля и приступили к исполнению своих обязанностей к концу августа. Что касается порядка их деятельности, то из Ливия (*Periochae XVIII*) и Диона (*XXXVII*, 9, 2) можно сделать вывод, что составление списка сенаторов следовало за цензом и обычно даже затягивалось до начала следующего года. Приступив к исполнению своих обязанностей в августе, цензоры начали чистку сената только в конце года. А тогда Саллюстий уже давно вернулся из Сирии; ведь он, как и Цицерон, уже ожидал преемника и вероятно, так же как и Цицерон—не дождался своего преемника и уехал до его прибытия. Итак, нет никакого основания отождествлять проквестора Саллюстия с Криспом; наоборот, все, что мы о нем знаем, говорит о противном. Саллюстий Крисп и Саллюстий-проквестор представляют собой несомненно одно и то же лицо³.

¹ *Sall.*, *Or. ad Caes. prior*, II; *Fam.*, II, 17, 2.

² *Funaioli*, *op. cit.*, стр. 1919.

³ Приблизительным *terminus post quem* для чистки сената может служить следующее. Целий Руф получает от Аппия Клавдия *nota censoria* в начале октября. Так как *nota censoria* предшествует составлению *album*, то последнее могло состояться самое раннее в конце октября.

Но—durissimum restat—остается тот Саллюстий, которому Цезарь в августе 47 г. что-то прощает («etiam Sallustio ignovit»). Затруднение заключается в том, что из первой речи Саллюстия к Цезарю явствует, что историк в конце 50 или в самом начале 49 г. открыто примкнул к Цезарю. Действительно, после такого безоговорочного перехода на сторону Цезаря в 49 г., трудно было предполагать какие-либо нелады в 47 г., которые могли бы принудить Криспа просить прощения у диктатора. И все же—нигде тождественность между Саллюстием Криспом и Саллюстием, упомянутым в данном письме Цицерона, нельзя доказать с такой точностью, как именно в этом случае (Att., XI, 20, 2).

15 августа 47 г. Цицерон пишет Аттику о Цезаре: *etiam Sallustio ignovit*. M. Gallius Q. f. *mancipia Sallustio reddidit, is venit ut legiones in Siciliam traduceret*. Прошлось письмо Аттику написано 22 июля. В письме от 15 августа Цицерон, очевидно, информирует Аттика о событиях предыдущих трех недель.

Прежде всего необходимо установить, относится ли пропomen «is» к М. Галлию или к Саллюстию. Известные автору комментаторы считают, что «is» относится к Галлию. Однако в таком случае здесь имеется единственный случай, где в латинской литературе так грубо нарушается основной закон *usus prop. minimum*. Ведь по порядку имен Галлия стоит раньше имени Саллюстия. Если Цицерон подразумевал Галлия, то он должен был говорить о нем «ill»; «is» всегда относится к ближе стоящему, позже названному лицу. Если такие знатоки латинского языка, как Мендельсон или Тиррелл, все-таки приписывают Цицерону такое отступление от *elementa grammaticae*, то причиной этого может быть только одно: если не это отступление, то местоимение «is» должно относиться к Саллюстию. В таком случае тому же Саллюстию, которому Цезарь прощает грехи прошлого, поручается перевод войск в Сицилию, т. е. функции офицера на службе у Цезаря. Но тогда возможна тождественность этого Саллюстия с историком, который также был офицером Цезаря. Однако традиционное непоколебимое представление о Саллюстии Криспе, как о цезарианце, о его цезаризме *non plus ultra* не допускает мысли о том, что Саллюстий, которому Цезарь «ignovit», мог быть именно Криспом. Поэтому «is» и относится к Галлию всеми комментаторами.

Однако, во-первых, неизвестен какой-либо офицер Цезаря по имени М. Галлий; во-вторых, самый смысл предложения не допускает другого толкования «is», как местоимения, которое указывает на Саллюстия: М. Галлий находился все время в Италии и, пользуясь отсутствием и опалой Саллюстия, захватил его *mancipia*. Саллюстий же недавно был в Антиохии, добился прощения и теперь вернулся в Италию, где М. Галлию пришлось отдать ему его *mancipia*. Ясно, что тот, кто «*venit*», был Саллюстий.

Письмо написано из Брундизия. Немыслимо, чтобы туда—в Брундизий—кто-то прибыл, чтобы оттуда перевести легионы в Сицилию. *Is venit*, очевидно, обозначает приход в более широком смысле слова, чем, например, из Рима в Брундизий, т. е. прибытие извне в Италию. Это может относиться только к Саллюстию этого письма, который до того был вне Италии.

Таким образом, «is» подразумевает некоего Саллюстия, который из-за какого-то поступка впал в немилость Цезаря (совсем необязательно за помпейство) и, добившись прощения, получил военное назначение. В этом нет ничего удивительного: ведь даже таким отъявленным республиканцам, как Кассий, Цезарь сразу после прощения поручал более важные военные задания, чем перевод легионов в Сицилию.

Еще одно доказательство доставляет интересный *lapsus* в следующем письме, которое было отправлено Аттику через десять дней, 26 августа 47 г. Как в письме от 15 августа, так и в письме от 26 августа, обоих друзей чрезвычайно занимает вопрос, когда и по какому пути Цезарь вернется из Азии.

В письме от 15 августа сказано:

- a) *is* (Саллюстий) *venit ut legiones in Siciliam traduceret*.
- b) *Eo protinus iturum Caesarem Patris* (из города *Patrae*)...

В письме от 26 августа сказано:

- a) *legio XII ad quam primam Sulla venit, lapidibus egisse hominem dicitur*.
- b) *illum* (Caesarem) *arbitrabantur protinus Patris in Siciliam...*

В обоих письмах корреспондентов занимают одни и те же вопросы: а) перевод легионов в Сицилию и б) дальнейший маршрут Цезаря. Однако то лицо, которое, согласно письму от 15 августа, должно было перевести легионы в Сицилию, в письме от 26 августа уже не Галлий и не Саллюстий, а вдруг появившийся откуда-то Сулла. Из-за сходства между именами SALLUSTIUS и SULLA можно здесь предполагать явный lapsus в рукописи. В таком случае решение вопроса о том, кто был занят переводом легионов Цезаря в Сицилию, в пользу Саллюстия получило бы еще одно подтверждение, ибо извлечение имени «Sallustius» в «Sulla» легче предположить, чем подобное извлечение имени «Gallius».

К счастью, в пользу этого взгляда существует еще одно более веское доказательство.

Аппиан рассказывает, что в 47 г. (как раз в то время, когда имели место упомянутые в письмах события) историк Гай Саллюстий Крисп был послан за легионами, которые его чуть не убили¹. Еще яснее это событие описано у Кассия Диона: «В Кампании стояла большая часть [легионов], которые должны были быть переправлены... Эти вот чуть не убили Саллюстия»².

Сомневаться в правдивости этого сообщения у Аппиана и Диона не приходится, ибо Аппиан и независимо от него Дион в этих частях своей истории следуют Азинию Поллиону³. Сообщение Диона о переводе легионов в Африку не является препятствием; ведь Дион здесь подразумевает африканский поход, в котором Сицилия была первой остановкой.

Если сравнить письма Att., XI, 20, 2 и XX, 21 с Аппианом и Дионом, то можно считать доказанным, что тот, кого подразумевал Цицерон под словом «is», был Саллюстий, а именно Г. Саллюстий Крисп, а «Сулла» в Att., XI, 21 является ошибкой переписчика, которая до сих пор не была исправлена, поскольку традиционный взгляд на Саллюстия-цезарянца не позволял считать, что слова «Sallustio ignovit» относятся к нему.

Нужно еще добавить, что все это отлично согласуется с ролью, которую Сицилия играла в африканском походе, и с функциями, которые в этом походе выполнял Саллюстий Крисп. Сицилия с находящимися там легионами была оперативной базой всего похода («B. Afr.», XXV, XXXVIII), тогда как Саллюстий Крисп являлся организатором транспорта и снабжения («B. Afr.», VIII).

Остается невыясненной причина, из-за которой Цезарь мог гневаться на Саллюстия. Руководящим моментом в поисках этой причины может быть то, что проступок, который Цезарь прощал Саллюстию, был, очевидно, военного характера, поскольку Цезарь после 47 г. никогда больше не доверял Саллюстию руководству настоящей военной операцией. Цезарь, как кажется, был невысокого мнения о военном таланте Саллюстия, зато ценил его административно-политические способности⁴. Все это заставляет думать, что проступок Саллюстия был военным, тем более потому, что древние на поражение смотрели как на преступление, и Цезарь был того же мнения⁵. Таким образом, надо выяснить роль Саллюстия в первые годы гражданской войны.

Сразу после начала военных действий—очевидно, одновременно с первым провозглашением Цезаря диктатором—Цезарь провел Саллюстия через квестуру обратно

¹ App., BC, II, 92, 387: «... καὶ περὶ τούτου Σαλλούστιον Κρίσπον παρῆλθον πρὸς αὐτοὺς ὀλίγον καὶ διέρρηξεν αἰ μὴ διαρῇ...»

² Dio, XLII, 52, 1—2: ἐν Καμπανίᾳ δὲ οἱ πλείους αὐτῶν ὡς καὶ προέβλεπον ἦσαν. οὗτοι οὖν τὸν τε Σαλλούστιον παρ' ὀλίγου ἀπέκτειναν...

³ См. W i l j o n e, De fide et auctoritate Appiani, Gron., 1865, стр. 65; Eysenhardt, JCPH, 1862, стр. 755, а также G. T h o u r e t, De Cicerone, Asinio Pollione, Gaio Oppio Caesaris rerum scriptoribus, «Leipziger Studien», 1878, стр. 324, 360.

⁴ «B. Afr.», VIII, где говорится, что в ходе военных операций Саллюстию было поручено заботиться о снабжении, чем он и был занят в течение всего похода; по окончании кампании он был назначен наместником Africa nova.

⁵ S u e t., Div. Jul., 68.

в сенат¹. Перед тем, как Цезарь вернулся из похода в Испанию и против Массилии, Саллюстий командовал легионом (С а е с., б. с., III, 1) в Иллирике. Вместе с Басилом, другим цезарианским командиром легиона, он двинулся в Салоны (Salonae) и там, бездействуя, наблюдал, как брат будущего триумвира Антоний на острове Курикта подвергался осаде со стороны республиканских полководцев Октавия и Либона. Поведению Басила и Саллюстия было тем позорнее, что одна когорта цезарианцев покончила самоубийством, чтобы не попасть в руки врага, и тем чувствительнее для Цезаря, что пятнадцать когорт попали в плен к Помпею. Кроме того, Орозий прямо говорит, что Саллюстий был разбит².

Больше об этом эпизоде ничего неизвестно. Не исключена даже возможность, что Саллюстий после битвы при Салонах сам был взят в плен или что он, находясь в затруднительном положении, перешел к помпеицам. Нельзя быть вполне уверенным в том, что при Салонах его судьба была тесно связана с Басилом, старым офицером Цезаря, которого эта неудача не лишила расположения Цезаря³. Ведь Орозий приводит все военные действия в Иллирии в крайне сокращенном виде, в одном предложении, связывая разные по месту и времени события⁴. Во всяком случае имя Саллюстия из истории гражданской войны исчезает после Салон. Интересно то, что в то же самое время, как письмо Цицерона к Аттику (Att., XI, 20) упоминает о нем как о получившем прощение от Цезаря, его имя появляется опять в истории гражданской войны у Цезаря, Аппиана и Диона.

Поэтому не будет ошибки, если в событиях при Салонах усмотреть причину опалы Саллюстия. То, что Цезарь, например, на поражение Куриона смотрел, как на преступление, пугающее в прощении, засвидетельствовано достаточно ясно; то, что своим новым приверженцам он не особенно доверял, — также⁵. Во всяком случае у него было достаточно основание для недовольства. Курион стоял ему армия в Африке, Гортенсий — флота в Адриатическом море, Антоний и Саллюстий — армия в Иллирии. В причинах для опалы, очевидно, недостатка не было⁶.

¹ Факт подтверждается Псевдо-Цицероном (6,17). Так как Саллюстий в середине 49 г. уже занимал командную должность, а также инвестора оп., по всей вероятности, получил до этого. Иначе Dio, XLII, 52, 2, который, однако, в вопросах римских государственных древностей не может соревноваться с римским источником.

² Так как соответствующее место в *Bellum civile* (до III, 9) утеряно, то сведения об этих событиях комбинируются из Or., Hist. adv. pag., VI, 15, 8—9; и L u c., Phae., IV, 404—525. Лукан рассказывает о событиях с того момента, когда Антоний был уже в окружении, а Басил стоял у берега и не мог ему помочь (Саллюстия Лукан не упоминает). Or., VI, 15, 8 говорит о совместной деятельности Басила и Саллюстия. Так как Басил и Саллюстий, очевидно, до своего поражения наблюдали за героизмом осажденных, то порядок событий — вышеуказанный. Орозий ясно говорит, что Антоний сдался помпеицам, об остальных же полководцах Цезаря он сообщает, что они были разбиты вместе с Антонием. Это еще яснее подчеркивает схолиаст Лукана (Adn. sup. Luc. ad IV, 495, изд. Ioh. Endt., Lps., 1909).

³ Att., XI, 5, 3; Басил вместе с Цезарем в Галлии: б. с., VI, 29, 30; VII, 90.

⁴ Or., VI, 15, 8, 9: «Basilus et Sallustius cum singulis legionibus quibus praeerant, similiter et Antonius, Hortensius quoque ab infimo mari cum classe concurrunt, omnesque pariter adversus Octavium et Libonem projecti et victi sunt». Поистине изложение per saturam!

⁵ См. замечательное место у Диона (XLI, 46, 1), где Цезарь, находясь в Эпире, так рассуждает о своих полководцах, оставшихся в Италии (включая даже М. Антония): «ὁμολογῶντες σφῶς μακάριον ταῖς καὶ ἐκείνοις τοῖς τε ἀρχαίοις, οἳ καὶ ἐν ταῖς στάσεσι φίλοι γίνοντο».

⁶ Лукан так характеризует этот комплекс событий — Иллирия, Адриатическое море и т. д., в которых участвовали неопозарианцы вроде Куриона, Саллюстия и др.: «Fortuna in partes aliquid et Caesaris ausa est».

Данным исследованием делается попытка доказать, что а) автор «Empedocleas»; б) младший товарищ Цицерона, который давал ему столь высоко принципиальные советы в области политики и, слушая «de republica», порицал его «бегство в прошлое»; в) Саллюстий — проквестор М. Гибула и д) Саллюстий, который в 47 г. помирился с Цезарем — представляет собой одно и то же лицо и тождественны с историком Саллюстием Криспом¹.

Если такое обогащение биографического материала о Саллюстии Криспе внесет свой вклад в борьбу с легендой вокруг Саллюстия, то эта статья достигла своей цели.

П. Б. Гурвич

ХЕРСОНЕС И РИМ

Включение Херсонеса Таврического, постоянно находившегося под угрозой со стороны скифов, в состав царства Митридата VI в первое время не вызвало, повидимому, протеста со стороны херсонесцев. Они видели в Митридате избавителя от страшной скифской опасности. Положение дела резко изменилось во время войны Митридата с Римом. Эти войны потребовали максимального напряжения сил, и понтийский царь должен был усиливать нажим на свои северные владения. Херсонес начинает испытывать все большее недовольство Митридатом, так как тяготы войны и появившийся в его стенах понтийский гарнизон² начали все более и более стеснять его граждан; к тому же изменилась и политика Митридата по отношению к варварам, от которых он должен был защищать Херсонес. Митридат начинает видеть в варварах не врагов, а союзников, на которых можно опереться в борьбе с Римом. Аппиан неоднократно упоминает о заключаемых им союзах с варварскими племенами. Так, в 57-й главе его «Митридатовых войн» рассказывается о посольствах царя к фракийцам, савроматам и скифам, а в 69-й содержится перечень ряда варварских племен, граничавших с территорией Боспора, которые названы уже его союзниками. Из 101-й главы мы узнаем, что Митридат обручает своих дочерей с наиболее сильными из варварских правителей. Эта политика понтийского царя была, повидимому, не по душе господствующему классу Херсонеса. В нем нарастает оппозиция Митридату, в подарок его сын — изменник Махар — бежит, узнав о приближении разбитого римлянами отца, из Пантикапея в Херсонес (App., 102). Ясно, что Херсонес в данный момент играл роль как бы центра оппозиции. Не случайно Аппиан в 108-й главе, посвященной восстанию Фарнака и Фанагория, причисляет к Херсонес к числу укрепленных пунктов, недавно захваченных (ἀρτίλαβον) Митридатом. Под этим «недавним захватом» разумеются, надо полагать, события 70-х гг. I в. до н. э. Херсонес восстал против Митридата и был им захвачен. На стороне Махара был Херсонес, несомненно симпатизировавший римлянам. Следует помнить, далее, что инициатива перехода к римлянам принадлежала греческим городам побережья, тогда как варварские племена оставались до конца верными Митридату. В переговорах Махара с Лукуллом, как и Фарнака с Помпеем, не страх перед вторжением римлян

¹ Но этот Саллюстий ли в коем случае не тождествен с еще перассмотренным Саллюстием в письмах Att., I, 11, 1 и I, 3, 3. Этот Саллюстий уже по той причине не может быть Саллюстием Криспом, что во второй половине 67 г. он является уже самостоятельной величиной в римской общественной жизни. Такое положение не мог занимать девятнадцатилетний юноша, каким тогда был историк Саллюстий Крисп (Цицерон о Саллюстии в Att., I, 11 и I, 3 говорит как о ровеснике). С другой стороны, то, что этот Саллюстий имеет самостоятельные политические связи, а Аттик и Цицерон обращаются с ним как с равным, показывает, что этот Саллюстий отличен от того, о котором говорится как о клиенте Цицерона. Поэтому в Саллюстии из Att., I, 11 и I, 3 следует усматривать третьего Саллюстия.

² App., Mithr., 108. См. Ростовцев в «Сборнике в честь Уваровой», стр. 8.